

**СЕРГЕЙ
ГАРИН**

КОМАНДИР
МИНОНОСЦА

Сергей Гарин
Командир миноносца

«Public Domain»

1911

Гарин С. А.

Командир миноносца / С. А. Гарин — «Public Domain», 1911

«Миноносец, которым командовал Владимир Мосолов, стоял, на Кронштадтском рейде, под парами, ожидая командира. Это был четырехтрубный красавец, последнее слово миноносной техники, с тремя двадцатимиллиметровыми орудиями и четырьмя минными аппаратами. Команды на нем было шестьдесят человек, – все молодцы, как на подбор... Кроме того, на миноносце был помощник Мосолова – мичман Зубатов и механик Добрынин. Назывался миноносец „Чуткий“...»

Содержание

I.	5
II.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Сергей Гарин

Командир миноносца

I.

Миноносец, которым командовал Владимир Мосолов, стоял, на Кронштадтском рейде, под парами, ожидая командира. Это был четырехтрубный красавец, последнее слово миноносной техники, с тремя двадцатимиллиметровыми орудиями и четырьмя минными аппаратами. Команды на нем было шестьдесят человек, – все молодцы, как на подбор... Кроме того, на миноносце был помощник Мосолова – мичман Зубатов и механик Добрынин. Назывался миноносец «Чуткий».

Когда Владимир подъезжал к борту на шлюпке, команда была уже выстроена, во фронте. Взойдя, лейтенант поздоровался, сказал несколько слов о войне и, приказав готовиться к снятию с якоря, прошел в свое помещение. Оно было довольно комфортабельно, хотя и маленькое: спальня, со шкафом и умывальником красного дерева, таким же письменным столом и великолепной пружинной кроватью. Рядом – салон, с большим столом и мягкими плюшевыми диванами, по борту, а следующая дверь вела в ванную и уборную командира. Освещался миноносец электричеством. Владимир уже имел определённые инструкции относительно дальнейшего. Его миноносец назначался на дозорную службу, у входа в Финский залив, – место, опасное в смысле соприкосновения с неприятелем.

Как морской офицер, Мосолов прекрасно знал, что война застала русский и германский флоты в совершенно неравном состоянии. Неприятельский флот был сильнее русского, по количеству крупных боевых единиц, но это не смущало русских моряков, знавших, что дух и отважность играют в морском деле не последнюю роль.

Во всяком случае, назначение было опасное, и Владимир ко всему приготовился. Он не боялся умереть, но хотел, в случае неизбежного, погибнуть с честью, в сражении, а не затонуть глупо, случайно, наткнувшись на свою или неприятельскую мину.

Думал о жене. А за последние два дня она не выходила из головы. Почему?.. Лейтенант не мог объяснить этого иначе, как войной, которая каждую минуту может разлучить их навеки.

Припоминал малейшие подробности их знакомства и совместной жизни. Встретился он с Надеждой Федоровной три года назад, на балу, в офицерском собрании полка его отца. Она была «царицей» вечера, за ней тянулся целый хвост поклонников, а он стоял у колонны и зевал. И вдруг к нему подошел полковой адъютант, распорядившийся танцами:

– Владимир Викторович! Почему не танцуете?

– Не с кем! – ответил лейтенант.

– То есть как: не с кем?!.. Полный зал дам и барышень!

– Все они неважно танцуют, – нужно отдать им справедливость! Есть, впрочем, одна... – он указал на Надежду Федоровну, – но она берется нарасхват!.. Где уж нам!

Адъютант улыбнулся:

– А вот, как раз она, именно, и просила меня, сейчас, представить ей вас... Пойдемте!

Взял лейтенанта под руку и подвел к девушке. Пройдя с нею два тура, Владимир хотел было ретироваться, но Надежда Федоровна потащила его в фойе, где они целый час проболтали. Она оказалась дочерью тайного советника, занимавшего видный пост, в одном из министерств. Была очень неглупа, великолепно образована, немного пела, играла на скрипке и рояли, рисовала...

С этого момента началось знакомство. Лейтенант сделал визит отцу, и стал бывать. Незаметно полюбили друг друга. Затем Владимир сделал предложение.

Полгода прошли, как сон. Лейтенант взял двухмесячный отпуск, был месяц с женой за границей, – месяц в имении тестя, в Новгородской губернии.

Но когда вернулись в Петроград, и началась обычная семейная жизнь, Владимира она немного разочаровала. По натуре своей, он был большой семьянин и домосед, а Надежда Федоровна наоборот: семейная обстановка нисколько не удовлетворяла. Она осталась все той же порхающей барышней, думающей только о нарядах, вечерах и о том, как бы кому понравиться. Она любила мужа, в этом не было сомнения, но любовь её была какая-то странная, на ходу, без общих духовных интересов, без взаимных переживаний. Она была немного пуста для Владимира. Вставала молодая женщина поздно, нежась в кровати чуть ли не до двух часов дня, делала долго туалет и только к трем-четырем часам дня выходила в столовую, когда, собственно, уже и кончался день. И в дни своих кратких приездов, лейтенант почти не видел жены, так как он рано должен был ложиться, чтобы с рассветом выезжать обратно в Кронштадт.

Второй неприятной стороной семейной жизни Владимира была страсть жены к флирту. Лейтенант постоянно находился в компании каких-то случайных знакомых, которые ухаживали за его женой, а она с ними кокетничала вовсю. Владимир понимал, что все это несерьезно, что Надежда Федоровна никогда не переступит границ, но... чувство досады, что он, муж, все время как-то остается в тени, и жена больше отдает предпочтения чужим, – захватывало лейтенанта все больше и больше. Он стал избегать свой дом, но в то же время и ревновать. Начались сцены между супругами, порой отвратительные, доходившие до взаимных упреков и оскорблений.

Этот кошмар тянулся два с половиной года. Наконец, обоим это надоело, и они решили полюбовно разойтись. Разошлись сухо, с осадком горечи на душе, думая каждый, что виновата противная сторона. Надежда Федоровна переехала к отцу, а лейтенант и свободное время проводил в Кронштадте, изредка лишь навещая родителей.

Но жену он все-таки продолжал любить. Ему казалось, что, будь у него побольше свободного времени, и имей он возможность почаще видеть жену, ему удалось бы перевоспитать ее.

II.

Вахтенный доложил, что все готово для съёмки с якоря.

Лейтенант надел на шею цейсовский бинокль, натянул высокие резиновые сапоги – так как от большого хода, на мостик, вкатывалась волна – и вышел на палубу. Там уже все стояли на местах. Владимир поднялся на мостик и распорядился поднять якорь.

Завизжала якорная цепь, проползая черед клюзов в канатный ящик. Заклубился пар от брашпиля... Якорь встал, и Владимир перевел ручку машинного телеграфа на «малый ход»... Одновременно сигнальщики подняли, на обоих ноках реи, черные шары, означавшие, что корабль дал ход... Когда прошли брандвахту, дали полный ход и шары убрали.

«Чуткий» ходил двадцать восемь узлов в час. И когда инерция достигла максимума – большие, пенистые волны, бурля, стали перекатываться через носовую часть миноносца... А за кормой бежала вдаль широкая полоса от винтов...

Мимо поплыли берега, со строениями, казавшимися с миноносца игрушечными... с лесом, курчавым порой, порой щетинистым, как зубная щетка, с дикими скалами, у подножия которых белел волнистый прибой...

Было хорошо сидеть на мостике, за натянутой парусиной, от ветра, курить папиросу и прислушиваться к равномерной работе машины и шипению котлов... Чувствовалось удовлетворение в сознании, что ты – царь и Бог на этом быстроходном судне, что от твоего желания оно может пойти влево... вправо... повернуть назад... Захочешь, – и из трех длинных тел орудий блеснет короткое пламя, загрохочет выстрел, и разорвется где-то, впереди, снаряд... Или, по твоему знаку, из тупоносого минного аппарата выскочит вдруг стальная мина-утка... побегит по указанному ей направлению, неся с собою смерть и разрушение, и взорвется, подняв гигантский столб воды и дыма...

Погода была хорошая, с легким зюйд-вестом. Бежали облака над миноносцем, синело, между ними, небо...

Лейтенант знал, что до Гельсингфорса не было вероятия встретить неприятельские суда. Но, тем не менее, часто посматривал в бинокль. А рядом стояли вахтенные сигнальщики, смотревшие неустанно, на горизонт, в подзорные трубы...

Снялся «Чуткий», из Кронштадта, часов в шесть утра. К вечеру он был уже в Гельсингфорсе. Там стояло много военных кораблей, но не было видно на них суматохи, потому что все были уже готовы выйти в море, по первому сигналу командующего флотом.

Пополнив провизию, Владимир, получив новые инструкции из штаба, вышел в море...

Темнело, ветер сделался резче, зыбь крупнее... Но «Чуткий» держался на волне превосходно, и если и зарывался в нее сейчас носом, то тотчас же и взлетал, на гребень, победно, распустив по ветру полосу чёрного, клубящегося дыма...

«Чуткому» нужно было соединиться с двумя нашими другими миноносцами, уже несущими, между Ревелем и Гельсингфорсом, дежурство... И действительно: через час с небольшим, сигнальщики заметили, на горизонте, два дыма... Они были низки над водой, и не было сомнения, что это миноносцы. Но чьи: наши, или... неприятельские?..

Лейтенант чувствовал, как сильно забилося сердце при мысли, что это – немцы... Ведь, «Чуткий» на всех парах несется к ним навстречу! Борьба была бы далеко не равная: один против двух!

«Будь, что будет!» – решил лейтенант, и только сильнее прижал к глазам бинокль...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.